

Приведем для сравнения лишь одно из параллельных мест, при анализе которого бросается в глаза явное преимущество перевода «Истории».

Перевод «Хроники» Амартола

Во ть же праздник вол, на жертву приведен, роди агнецъ посредѣ церкви (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе, т. I, II т. 1920, стр. 263).

Перевод «Истории»

В той же праздник корова неким приведена бысть на заколение и, посреди църквы стоящи, роди агньць (Рукопись Виленского хронографа, л. 697б).

Приведенный пример является наглядным свидетельством несомненного прогресса в искусстве перевода древней Руси и в совершенствовании литературного языка за время, протекшее между выполнением обоих переводов.

4

В заключение позволим себе сделать несколько замечаний о качестве русского языка в изучаемых нами переводах. Бесспорно, мы находим в них именно древнерусский литературный язык, по существу не отличающийся от того языка, на котором написаны такие оригинальные русские произведения, как Повесть временных лет и «Слово о полку Игореве», как «Поучение» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника. Поэтому мы и считаем необходимым называть этот язык именно древнерусским литературным языком, не касаясь здесь вопроса о самом его происхождении. В нем мы находим органическое соединение живых разговорных восточнославянских и книжных старославянских черт.

Изучение языка переводных памятников в значительной степени обогащает наши представления о богатстве словарного состава древнерусского литературного языка, о разнообразии его выразительных возможностей. Так, в переводе «Истории иудейской войны» для передачи одного и того же понятия, выраженного греческим именем существительным εὐεργετής (благодетель), мы находим пять морфологических и лексических вариантов: благотворьць, благодавьць, благоденць, благотворитель, добродѣецъ. Для передачи такого понятия, как «воин, строящий пути», имеем следующие эквиваленты: путестроець, путедельць, путестроитель, путестройник.

Часто переводчик прибегает к словотворчеству, пользуется при этом словообразовательными средствами языка. Так, для передачи понятия «зависимое положение второго царского сына» в соответствии с греческим субстантивированным инфинитивом τὸ δευτερεύειν в переводе возникает неологизм-калька «въвторонейство».

В большом количестве мы находим в переводе «Истории» греческую лексику. Иногда это слово, оставленное по каким-либо причинам без перевода и точно соответствующее такому же слову в греческом оригинале. Например, глагольная форма ἀδοξεῖτε (кн. II, гл. XVI, ч. 3) передана в виде слова «адоксите»; мы читаем также «пастофорья» в соответствии с греческим παστοφόριον, и др.

Однако иногда переводчик по своему усмотрению считал необходимым заменять какое-либо классическое греческое слово подлинника аналогичным по значению греческим же словом, но более поздним, разговорным, народным словом византийской эпохи. Так, нередко он заменяет классическое θρίαμβος (триумф) — народно-разговорным «проелиписись» (προελίπισις), φρούραρχος (начальник крепости) — словом «дука», ὁρμητήριον (гавань) — словом «лимень», и т. п. Очевидно, переводчик, в совершенстве